

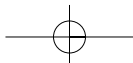
Юлий Хоменко

Восьмое небо

Москва

«Воймега»

2011

УДК 821.161.1-1 Хоменко
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
Х76

Ю. Хоменко

Х76 Восьмое небо. / Сост. А. Алёхин. — М.: Воймега, 2011. — 112 с.

ISBN 5-7640-0110-2

Автор благодарит Ларису Шнайдерманн за помощь в издании этой книги.

© Ю. Хоменко, текст, 2011
© С. Труханов, оформление, 2011
© М. Штох, фото, 2011
© «Воймега», 2011

* * *

Коровы умеют летать —
Читайте у Марка Шагала,
Чья выучка глаз показала —
Коровы умеют летать.

Конечно, они не орлы,
Не ангелы в лёгком паренье —
Ни пения, ни оперенья,
Но всё-таки очень милы.

Как некий небесный отряд,
То выше летят, то пониже.
И если такое в Париже
Творится, в Твери говорят:

Смотри — над Парижем парит
Бурёнка колхозного толка,
Небес голубеет ермолка,
А сдвинешь — созвездий иврит.

* * *

Сидеть и думать, подливая
В посуду пиво: жизнь пройдёт.
Ещё один виток трамвая,
Ещё рывок — и пропадёт

Вот эта белая церквушка
Минутной пеной над рекой.
Погиб поэт. Но где же кружка?
Была же кружка под рукой!

* * *

Не Бетховен, но космы включены,
Губы выпячены к трубе.
Все, кто к музыке приторочены,
Малость всё-таки не в себе.

Мешковатые брюки коротки,
Перекошены пиджаки.
Как сутулые старцы — отроки,
Точно отроки — старики

Неуёмные: ноты тоннами
Нагрузи на них — понесут.
То мечами трясут картонными,
То ничем уже не трясут,

А, к примеру, гранитны, бронзовы,
Бледно-жёлтые, коль луна,
На закате багрово-розовы,
Стынут позами. Тишина.

* * *

С розовым облаком небо большое,
Что ты стоишь у меня над душою?
Сам понимаю: однажды душа,
Розовым облаком нежно шурша
По твоему голубому газону,
То уподобясь слону, то бизону,
То носорогу, то снова слону,
Станет, слоняясь, топтать тишину.

* * *

Оттого что это дерево
День удерживало кроной,
Разом выронив теперь его,
Не листвою — тоской зелёной
Шелестит, касаясь шелестом
Кучевых, летящих низко
Облаков, а тем вон, перистым,
Это всё уже не близко.

* * *

Провинциальный запах дыма —
Вполне возможен банный день.
А вот и впрямь проходят мимо,
Тазов бряцает дребедень.

Не наши ль матери и деды
Щиты и шайки сквозь года
Несут? Куда ж ломились шведы?
Скажи-ка, дядя, ну куда?

* * *

Небо восьмое. На небе девятом
Облако ходит в халате помятом.
А на десятом в дырявой сорочке
Бродит луна по ночной одиночке.

* * *

По старицкой старой дороге
Немало прошло чередом
КамАЗов, которые строги
На вид и ворчливы нутром.

И «газиков» лёгкое племя
Здесь газы пускает в эфир,
Автобусы прут, а над всеми —
Луч света со станции «Мир».

* * *

Не моя ль видна аллея?
Без сомнения, моя.
Так вперёд же, не жалея,
Что проходят бытия
Неприметные моменты.
Глуп был Фауст, что жалел.

Расплелись у Гретхен ленты,
Лиф стыдливо заалел...

* * *

Какой-то особенный воздух —
Возможно, таится гроза
В его голубых подголосках,
Хоть в это поверить нельзя,

Настолько улыбчиво солнце,
Настолько сравнимо оно
С лицом молодого японца,
В сравненье с которым темно

В лице у литовца, чилийца
Иль кто бы ни вклинился в стих...
А может, японец и злится —
Хитрец, перед бурей притих.

* * *

По высокому, очень чистому
(Небу, стало быть, что понятно)
Вольно ль облаку волокнистому
Иль, волнистому, неприятно

Плыть? Такому размером скромному,
Медлить склонному и бояться,
Любо ль к небу — слону огромному
Ваткой крошечной прицепляться?

Впрочем, что ж разводить художества? —
В синь забросили, не спросили.
А оттуда — просёлков множество
По Бразилии, по России.

* * *

Анненского доставали
Директорские заботы.
Час-полтора едва ли
Для главной своей работы
Урвёт и слушает зовы
Зияющей тишины.
Брови его суровы.
Дни его сочтены.

* * *

Из Ясной Поляны Толстой
Сместился в неясную. Ночью
Сквозь туч навороченных ключья
Созвездий свистит сухостой,

Что это вопрос непростой:
Оставил ли свет при уходе
(Не впрок — по оплошности вроде)
Иль вывернул пробки Толстой?

* * *

Спускаясь по лестнице, Блок
Носки своих видит ботинок.
А в комнате — пол, потолок,
Простенков и стен поединок

И окон кивок на канал:
Зимуют промёрзлые баржи.
Зимой не допросишься спаржи.
Нет спичек. Двенадцать. Финал.

Черепаша

Депортированная из пустыни в городскую квартиру
В знак протеста отказывается от пищи
Постепенно теряет в весе
Становится легче воздуха
Поднимается в небо качая растопыренными конечностями
В качестве НЛО регистрируется спецслужбами
Проходит в секретных списках под кодовым названием
Черепаша

* * *

Год за годом
Удаляюсь от трещины на обоях
Которую любил рассматривать в тихий час засыпая

Но знаю что однажды проснусь
И вот она трещина
Но с изнанки

* * *

Боюсь попасть, когда умру,
Туда, где души торопливо,
Как в некую воронку слива,
Смывают в чёрную дыру.

* * *

В далёком синем море
(Далёком, если даже,
Чудак с тоской во взоре,
Торчишь в его пейзаже)

Качается «Титаник»:
На память об уюте
Стакан о подстаканник
Звенит в пустой каюте.

* * *

Я поеду в Венский порт,
Где дрейфуют борт о борт
Баржи всякие и барки.
Полинялые, неярки,
Плещут флаги, как бельё.
Как прекрасны, ё-моё,
Разных стран трусы и майки!
Жаль, с утра летают чайки
И кричат без перерыва
До заката. До надрыва.

* * *

Лидии Шульгиной

Лепила ангела из хлама
Под Гамбургом, пока в Москве
Мужались жить отец и мама.
Мечтала летом по траве
Ещё пройти, собирая шишки
Неподалёку от сосны.
Не дожила и до весны.
Я перелистываю книжки
С её рисунками: стул,
Там ангел прячется за стул.

* * *

Осенний день. Он чем отмечен?
А тем, что света и тепла
Как можно меньше. Осень! Нечем
Отметить факт, что ты пришла.

Конечно, можно бы из лужи
Колочей, в оспинах, воды
Набраться дотемна, до стужи,
До вверх тормашками звезды

Подвешенной на удаленье
В сто сорок вальдшнепов, пока
В ветвях аллей рога оленье
Покачиваются слегка.

* * *

Течение уличных толп,
Вобрав, увлечёт — не заметим.
Газетчик, мороженщик, столб
Омыты течением этим.

А кто-то сидит на мели
В кафе, но обманчивы мели
За тысячу миль от земли,
Где — помнишь? — леса зеленели.

* * *

Удаляясь аллеей парка
В переливах дневного света,
Удивляюсь — уже не жарко.
Неужели уже не лето?

Совершенно другого цвета,
На другого кого похоже
То же дерево. Жду ответа:
Коль не лето уже, то что же?

* * *

В глубине, на дне зрачка
В результате всех рефракций
Самой розовой из фракций
Отразились облачка.

Будет осень, а пока —
Не игра сачка и света —
Всамомделешнее лето
На Руси. (Не путать: Лета —
Это в Греции река.)

* * *

И легко и очень весело —
Как по телику в рекламе.
Небо тучи перевесило,
Чтоб не капало над нами.

И хоть вянут в поле цветики,
Лес страшит тишиною,
При наличии косметики
Осень смотрится весною.

* * *

Мне хотелось как можно скорее уйти.
Вижу — липа стоит у меня на пути.
Широка многоликая липа,
Вся из клёкота, клика и всхлипа.

С той поры у корней, примостившись, живу.
И пускай на меня наметает листву,
А случится — завалит и снегом
Все пути на Москву печенегам.

* * *

Я люблю городские шумы
За двойной оболочкою рам.
Скажем, дворник в разгаре зимы,
Как цирюльник, скребёт по утрам

Побелевшие щёки двора
(В ночь мело, несмотря на мороз),
Чтоб до следующего утра
Двор опять сединою зарос.

Еле слышен троллейбуса лёт
По протянутой в небе лыжне.
И не снег соскребают, а лёд
Уж цирюльник в тоске по весне,

До которой и впрямь не подашь
Ни совковой лопатой, ни ло-
мом. И носом клюёт карандаш,
Хоть совсем за окном рассвело.

* * *

Попытки оптимального соединения крыши и неба
Способствуют развитию архитектурной мысли

В сущности все эти статуи и шпили —
Хитрые приспособления

цель которых

захват конкретных участков неба

С их последующим закреплением за каждой отдельной крышей

Но небо всегда ускользает без единой потёртости или пореза

Кое-что удаётся антеннам

Вытягивают-таки из эфира

наэлектризованную проволоку радио- и телепередач

Ничего после себя однако не оставляющую

Даже пустот

Несколько удачливее трубы

Идущий из трубы дым сливается с облаком которое уже небо

Но и эта связь умозрительна

расплывчата

и безответна

* * *

Зима на берегу,
Как кажется, залива.
Ручаться не могу,
Но думаю — тоскливо

Живётся в холода
У вод промёрзших кромки,
Особенно когда
Сгущаются потёмки,

Особенно в пургу
В застуженной избушке —
Ручаться не могу,
Но думаю — старушке.

Не зря же с полотна
Два тусклых, а когда-то
Пленявших всех окна
Глядят подслеповато.

* * *

Я пойду опустелыми парками Вены осенней,
Что смыкаются где-то с пролесками зимней России.
Это те же снега, что метут на Москву с Енисея,
Над предгорьями Альп, обессилены, заморосили.

Это те же грачи, что, клевать глинозём на просторах
Среднерусских устав, прилетают отведать культуры
В парки Австрии нежной, тяжёл для которой и шорох
Невесомой листвы о тела оголённой скульптуры.

* * *

За ночь до полнолуния
Чуть выпуклая луна
Напоминает гипсовую посмертную маску Бетховена —
Экспонат музея-квартиры композитора
в одном из предместий Вены.

Интересно,
Не сам ли Бетховен накликал это сходство,
Нащупывая сквозь обступившую глухоту
Нужные клавиши для «Лунной» сонаты?

Впрочем, название это композитору не принадлежит.
Оно и понятно:
Не мог же он видеть собственную посмертную маску,
Отбрасывающую лунный свет
на разложенные по стендам автографы
И личные вещи.

* * *

Нет, весь я не умру...
А. С. Пушкин

Я заметил в первый раз
Эту башенку на крыше,
Вкруг которой (но не выше)
Небеса ласкают глаз.

И подумал: в тишине,
В синеве такой неедкой
Шпилем, статуей, виньеткой
Хорошо б застрять и мне.

И когда навалит снег,
И когда накатит ливень,
Хорошо торчать, как бивень,
Вросшим в слой нездешних нег.

Кто посмотрит — минарет,
В небо врезанный умело.
И кому какое дело,
Весь я умер или нет?

Предместьями Вены

В Штаммерсдорфе встаёт заря.
В Штреберсдорфе она садится.
Укороченный, декабря
День показываться стыдится.

Но замечено сквозь кусты
Инценсдорфского лесопарка:
Невостребованно чисты
Близлежащих полей листы,
Грач — единственная помарка.

* * *

В этом доме
Мог бы родиться Шуберт
Оглохнуть Бетховен
Потерять запонку Зигмунд Фрейд
Тогда бы его фасад украшала охранная грамота
Вскользь сообщая о таком-то событии или лице

Но в этом доме
Рождались
Глохли
И теряли заколки от галстука
Среднеарифметические современники
Упомянутых гениев или творцов

Поэтому дом этот будут готовить к сносу
Такое решение принято
на последнем заседании местной мэрии
В повестку которого входили также вопросы
О капитальной реконструкции
ответшавшей городской канализации
И прокладке новой линии любимого горожанами
Никогда не переполненного метро

* * *

— Далеко ли до Хайлигенштадта?
— Далеко — не дойти до заката.
Но зато, только грянет закат —
На его симфоническом фоне,
Невесомые, как на ладони,
Башни, башенки — Хайлигенштадт.

— Хорошо ли тому, кто в заката
Час и вправду до Хайлигенштадта
Доберётся — он грустен иль рад?
— Он не то чтобы грустен, но всё же
Чувство, с грустью которое схоже,
Виноградом свисает с оград.

— Оттого ли и грусть, что Бетховен,
Взглядом сумрачен, нравом неровен,
Век не чёсан, убого одет,
Шёл кварталами Хайлигенштадта,
А за ним, вся в миноре, соната?
— Нет: в миноре, но струнный квартет.

* * *

Небо над Веной, как правило, серое.
Вена сильна католической верою.
Ходишь, любуясь, и думаешь: что ль она
Серой монашеской рясой зашторена?

Всё же бывает, что улицы венские
Солнце ласкает, как прелести женские, —
Если сперва от подола до ворота
Ветром-охальником ряса распорота.

* * *

Разминувшись с Шубертом во времени
Приближаюсь к нему в пространстве:
Перебрался в Вену
Брожу переулками вокруг дома
Где жил и работал композитор
Пью кофе в его любимом кафе
Вглядываюсь
В сидящего за соседним столиком
Средних лет кучерявого
В круглых очках толстячка

* * *

Подмигиванье светофора
В молочной утра тишине.
Беззвучное вибрато хора
Ширококрылых, в вышине
Зависших ангелов. Им свыше
Прекрасно видно что почём.
Что проку, что как можно тише
Ступаю, точно ни при чём?

* * *

Парк осенний — в Вене ли, в Москве ли —
На своём лопочет языке.
Русский ли, австриец — еле-еле
Там, в конце аллеи, вдалеке
Видимый — не даст, конечно, справки,
Веткою окажется в ответ
На вопрос: втыкает кто булавки
Звёзд в небес темнеющих вельвет?

* * *

Как пройти к флоридсдорфскому госпиталю? —
Спрашивает средних лет
Интеллигентного вида австриец.
Подробно объясняю дорогу.
Ведь то, что госпиталь
Закрыли года два назад на ремонт,
А потом и снесли,
Могло мне просто присниться.

* * *

Напоминают Ленинград...
Ну, Петербург — не в этом дело —
Имперской выправкой оград
Сады и парки. Здесь сидела
Старуха-кайзерша, играл
Ребёнком кайзер Франц-Иосиф:
В снегу барахтался, орал,
Монарший пальчик заморозив...

* * *

У заваленных снегом
Венских домов
Проступают московские скулы

Лопата
Скребущая тротуар на Ротентурмштрассе
Чертыхается по-сивцеввражски

* * *

По дороге в детский сад
Были горы — не сугробы,
Не дома, а небоскрёбы —
В синем крошеве фасад.

На обратном же пути
Всё растаяло, дома же
(Девятиэтажки даже,
А тем более — пяти)

Измельчали — не найти.

* * *

У Шуберта большие уши,
Подслеповатые глаза.
Скорей бы в Рейн его — на суше
Ему барахтаться нельзя,

Негоже в скомканной постели,
Топорца жабры, ждать конца.
Его судьба — судьба форели
На звонкой удочке творца.

* * *

То ворона скользнёт с плеча
Чёрной фабрики закопчённой,
То пожарная каланча
Головою качнёт учёной...

Да, вот эту кафешку, да,
Этот самый маршрут трамвая
(Мной не езженный никогда)
Рад приветствовать, узнавая.

* * *

Сегодня по городу
Объявлено штормовое предупреждение

Вчера
Не будучи поставлен в известность о надвигающейся стихии
Рухнул кран
Захваченная врасплох ветром
Крутанулась и вылетела на встречную полосу легковушка

Сегодня подобного не случится
Вытянулись по струнке
Замерли в напряжённом ожидании суровые краны
Растопырив колёса прижались к земле припаркованные автомобили
И пускай кое-где грохнут со звоном
Окатив подоконник стеклянным дождём нерадивые окна
Жахнут об асфальт
Зазевавшиеся на балконе цветочные ящики или горшки
Пролетят с искажёнными лицами популярных певцов
С тумб и стендов сорвавшиеся афиши
В целом город останется невредим

Как стояли так и будем стоять
Говорят всем своим независимым видом
Скрестившие под увесистыми грудями могучие руки
Культуристки-кариатиды
Удерживающие сплюснутыми головами
Образец архитектурной безвкусицы
Фронтон воздвигнутого на рубеже XIX и XX веков
Здания столичной управы

Предместье Вены

Штаммерсдорф — это то, про что
Очень сложно сказать словами.
Лучше взмахами — от пальто
Долгополыми рукавами:

Это — ворон, а это — дым,
Ну а это — усохший тополь.
(Был ли шёпотом молодым
Он — одеревенелый вопль?)

* * *

Утром холодно весенним,
Только это ничего —
Воскресеньем, Воскресеньем
Так и веет от него.

Не щадя помёта, галки
Обновляют купола.
Посреди весенней свалки
На халяву, по нахалке
Тварь любая весела.

У гнезда шныряет пташка,
Мышка роется в норе,
И бежит, бежит букашка
По берёзовой коре.

У берёзы ствол и позы
Всех пленительней, кора
Оголенной у берёзы,
У неё на ветках розы —
Замуж, стало быть, пора.

* * *

Ароматом весны потянуло,
Хоть тянуть бы весной не должно:
Лишь вчера, оттревожась, уснула
Вся земля летаргическим сном.

И дубы, и берёзы, и ели,
И другие деревья вокруг,
Скособочившись, заиндевели,
Отболели — и на ж тебе вдруг.

* * *

О трёхкомнатной старой квартире,
О балконе её, о сортире,
О серванте, точнее — буфете,
Да ещё о скрипучем паркете.

А как выйдешь во двор — об асфальте
В ломких мартовских лужах, о Мальте
И других островах и заливах
В этих мартовских лужах пугливых.

* * *

Л. К.

Болевые ощущения
В области грудной клетки.
Симптомы весны.

*

Куртка нараспашку.
Пионерский галстук по ветру.
Хотя снег ещё не растаял.

*

Прошлогодний окуроч в раскисшей глине
И многие другие приметы
Твоего прихода,
Весна.

*

Грачи прилетели,
А Саврасова нет.
Не улетать же обратно.
Остались.
Вьют гнёзда.

*

Сумка на колёсах
Как-то особенно возбуждённо
Тарахтит по свежевывсохшему асфальту.
А казалось бы, что ей —
Весна, не весна.

*

Одноногий аккордеонист
Вытанцовывает по клавишам аргентинское танго.
Жизнь прекрасна.

*

Думаю о тебе.
И больно.
Значит, весна.

* * *

Церковь
Переоборудованная под столярную мастерскую

Облако
Вследствие отсутствия креста
Беспрепятственно проплывающее над самым куполом

* * *

Я люблю скорее солнце,
Чем дожди.
Пусть восходит у японца —
Подожди,

Доплеснёт студёной рыбкой
И до нас
С нескрываемой улыбкой
Узких глаз.

* * *

Жара надоела — на солнце никто не сидит.
В тени ж, как нарочно, не сыщешь свободного места.
Банкир не торопится выдать клиенту кредит,
Клиент не спешит получить, расписавшись, — сиеста.

Единственно кто неуёмен, так это фонтан.
Но он навевает, журча, не прохладу, а дрёму.
И мнится: пустыней верблюжий бредёт караван.
Двугорб, спотыкаюсь и я, ощущая истому.

* * *

Не могу защитить тебя от процесса старения
Но чтобы ты не чувствовала себя одинокой
Старею с тобой вместе
И даже
Забежав на полтора года вперёд
Успеваю обустроиться в новом возрасте
До твоего прихода

* * *

Вот и деревня
Где согласно сведениям
Полученным от пятилетнего старожила
Зима теплее чем лето
А по словам пятидесятилетнего малолетки
Кукушка
Подкинув яйца в чужое гнездо
Становится коршуном
Чтобы скользящим по небу крестиком оптического прицела
Плаксиво вскрикивая
Охранять вылупляющееся потомство

Достопримечательны развалины местного дома культуры
Которые
В отличие от всемирных руин Колизея сравнительно молоды
Но свидетельствуют
О с не меньшим водоизмещением канувшей в Лету эпохе

* * *

Забрали в сумасшедший дом
И впрямь свихнувшуюся бабу.
Так измочаленную тряпку
Запихивают со стыдом
На антресоли, на чердак,
Где ветер жалится иль злится,
Где дольше века прочерк длится,
Тик отделяющий от так.

* * *

День хорош для рыбной ловли.
Рыбка малая, ловись!
Наугад с широкой кровли
Провода закинув ввысь,
Облакам, плывущим мимо,
Можно щупать плавники:
Не из Крыма ли? — Из Крыма,
Всем плотинам вопреки.

* * *

Ласточки, летающие низко,
Предвещают дождь, что очень кстати
Огороду, где укроп, редиска —
Доблести образчики и стати —
Маршируют (взрослые и дети)
По верху отмеренных им грядок.
Жизнь прожить — пропальная, эти
Перейти угодья — и порядок.

* * *

Должно быть, бабка умерла.
Не то была б приметна бабка.
В руках её сверкала б тятка,
Картошка б вокруг неё цвела.

Но нет: заглохло, заросло
Необработанное поле.
В него ночами не без боли
Лучи вонзает НЛО.

* * *

Кладбище безымянных.
Две бросовые версты.
Безадресные надгробья.
Беспаспортные кресты.

Но если аукнешь взором
Бесхозные небеса —
Безвучные, мощным хором
Откликнутся голоса.

* * *

гамаки
шезлонги
кресла-качалки
столы для настольного тенниса
допотопные
всё-таки на ходу велосипеды
в непролазных зарослях заколоченные калитки
полиялое со сваявшимися облаками небо
круглые крашенные столы на открытых террасах
круглые покрытые скатертью на застеклённых
комнатки дощатого дома
и без того холодного а случись похолодание
не напасёшься рефлекторов свитеров штопаных носков
одеял колючих и рваных стоптанных тапок
отдельных томов собраний некогда полных сочинений
шишек для самовара отколотых чашек
кукол с оторванными ногами
чердаков крыш
небес цвета бабушкиного халата с аляпистыми облаками
поездов дальнего следования товарняков электричек
допотопных велосипедов сосен
столов для настольного тенниса
сосен кресел-качалок
шезлонгов гамаков
сосен сосен

* * *

Всё пожухло, всё поблёлло.
Но зато картошка, свёкла
Тут и там темнеют в куче.
А над ними ходят тучи
В телогрейках драных, старых:
Не в Париже на бульварах,
Нет — в небесном сельсовете,
Знать, в чести одёжи эти.

* * *

На самом деле дела никому
До этого селенья никакого
Давно уж нет. Ни бе, ни ме, ни му,
Ни на три буквы ласкового слова
Здесь не слышать. Но скрипнет журавель —
Хранитель пересохшего колодца, —
Ему другой, за тридевять земель
Отсюда улетевший, отзовётся.

* * *

Что если бы я родился женщиной?
Или японцем?
Какой-нибудь кошкой?
Или вот этим жуком?
Лучше не думать.
Ползёт себе и ползёт.

* * *

Есть новые рамы и старые рамы
Надменны одни а другие упрямы

Как будто и впрямь за судьбу не в ответе
За ними живущих ни те и ни эти

А только одна изначальная рама
Что так до конца и не вымыла мама

Хоть помнится мыла до блеска до лоска
Досадная в небе осталась полоска

Не то реактивного след самолёта
Не то совершенно нездешнее что-то

Висит и не тает и сделалось зябка
И на пол упала усталая тряпка

* * *

Люблю живописующих природу
Картин наивность. Скажем, облака
Плывут, приняв оплошностью за воду
Небес неспешность. Думают: река —
И вот причалить чают надувные
Подобия верблюда и слона.
Но если и дуга, то заливные
Лишь на небе — ни берега, ни дна.

* * *

Три аиста (и в целом благодать,
Которой и не сыщется на свете)
В большом гнезде, на бывшем сельсовете,
Природе нашей скарёдной под стать
Окраской нетропической пера...
Меж тем выдавший всякое автобус,
Готовый, дребезжа, обшарить глобус,
Уж подкатил... Пора, мой друг, пора!

* * *

Алексю Алёхину

Каблуки по мостовой
Отбивают ритм старинный.
Что лебяжий, над Москвой
Пух летает тополиный.

Где троллейбус номер 5
От Садов бежит к Бульварам,
Появлюсь в свой срок опять —
Но уже воздушным шаром.

* * *

Над бассейном «Москва» так легко по утрам
Поднимается пар, что мерещится храм...

Ну а после и впрямь вспенил храм кружева —
Мне мерещится пар над бассейном «Москва».

* * *

А дерево оставили — оно
Не подлежит, по-видимому, сносу.
Но только не заглянет уж в окно
Той комнаты, в которой папиросу

Всегда курил один и тот же дед,
Годами не вставая с табуретки,
Ворча, что загораживают свет,
В его окно заглядывая, ветки.

* * *

Возьмём, к примеру, дерево: растёт
Себе, растёт, ветвится и ветвится,
Листвою оперяется. Найдёт
На нём приют какая хочет птица.
Устроится, повыведет птенцов —
И вдаль умчит, сорвавшись с веток, стая.
А вот и лист, отважившись, пунцов,
Качается, забор перелетая.

* * *

Раз в год проверяют сирены.
Раз в год они громко гудят.
Аж даже вибрируют стены.
Аж глупые галки галдят.

Затем наступают затишья
Ничем не приметные дни.
Восьми- и не более -стишья
И то не достойны они.

* * *

Подъёмные краны, железные краны
Наносят ли небу порезы и раны?

Выходит, наносят — поймёшь при разборе
Причин, по которым закаты и зори

(А если по-честному — кровоподтёки)
Небес покрывают отёчные щёки.

* * *

Играли Шуберта

За открытыми по случаю духоты
Окнами камерного концертного зала
Искусно влетаясь в фортепианные переливы
Шелестел мелкий
Сплошь из 16-х и 32-х
Неназойливый дождик

Вдруг непрошено грохнул гром
Не приняв во внимание
Что заявленная в конце программы
Патетическая соната Бетховена
Ещё и не думала начинаться

* * *

Безусловного внимания
Заслуживает фрак композитора
Ведь именно в нём он и дирижировал
Своей знаменитой четвёртой симфонией
Во время её первого исполнения

Интересны перчатки
В которых по воспоминаниям современников
Он нередко грел руки
Прежде чем выйти на сцену в качестве пианиста
Несравненного интерпретатора
собственных фортепианных произведений

Закономерно присутствие
И целого ряда других личных вещей
Неизменно сопутствовавших музыканту
Как в годы юношеских скитаний
Так и в зрелый относительно благополучный период жизни

Недоумение вызывают
лишь экспонируемые в одном из последних залов
Чёрные лакированные полуботинки

Многочисленные исследования доказывают
Что купил их по случаю
Наспех
Потом не понравились
Так ни разу и не надел

* * *

сыну Вале

О шатёр шапито
Где пропахшие нефтепродуктами
Мотоциклисты
Грозят огнеопасной отрыжкой
А клоун
Бармен манежа
Упражняется в приготовлении коктейля
Из свежавыжатых смеха и слёз

* * *

Хорошо посидеть на скамейке в опрятном сквере
У псевдоготической кирхи среди платанов
Роняющих жёлтые пятерни растопыренных листьев
В песочницу с копошащимися шепелявя
На родном ещё не освоенном толком немецком
Детьми основная задача которых увидеть
Будущее Европы с полностью к ней приставшей или
Окончательно от неё отчалившей и уплывшей
Оборвав нефтегазопровод Россией

* * *

В последних числах октября
Начальных ноября
Горит по правде говоря
Никчёмная заря
Сжигает холодом дая
Лишь топливо зазря
Уж птицы скрылись за моря
А ей до фонаря

* * *

Кладбища украшены цветами.
День поминовения всех душ.
Облачно по области. Местами,
Зрячьсть восстанавливая луж,
Лазерными скальпелями солнце
Трудится — светило-окулист,
И следит, с платана ли сорвётся
Или с клёна следующий лист.

* * *

Ночной печальной птицей
Хочу умчаться туда,
Где в луже серебрится
Упавшая звезда,

Чтоб, плеском не нарушив
Явлений круговерть,
Склевать звезду из лужи,
Пока не вмерзла в твердь.

* * *

Избегаю осенних скверов,
Где деревьев невпроворот
Самых разных сортов, размеров,
Каст, конфессий, мастей, пород,

Что столпились, сплелись и здрасте —
Оголяются скопом, враз,
Независимо от пристрастий,
Вероисповеданий, рас.

* * *

Удивительно хмуро —
Поздней осени дни.
Так и выйду понуро,
Чтоб сказали одни:

Всё же тучи не глыбы,
Ты, тоскуя, неправ.
Чтоб другие прошли бы,
Ничего не сказав.

* * *

Баржа самоходная
К пристани плыла.
Пристань теплоходная
Баржу не ждала.

Рявкнул опечаленной
Барже теплоход:
Чёрт с тобой, причаливай,
Самый малый ход!

Встала, сухогрузная,
Выпустив гудок,
Узкая и грустная
Под разгрузку в док.

Но плывут волнистые,
Мглистые слегка,
Все минуя пристани,
Баржи-облака.

* * *

Не умею играть на скрипке,
Но неплохо умею слушать.
Не великий пловец, но рыбке
Подсыпаю чего покушать.

И глядишь, отвечает скрипка
На задумчивость тихой трелью.
И аквариумная рыбка
Плещет шубертовской форелью.

* * *

Дело идет к дню рождения папы
Ель во дворе косолапые лапы
Пудрит усиленно инеем первым
Иней налип по натянутым нервам
Всех проводов чтоб текли телеграммы
К папе от папиных папы и мамы
Что как известно без помощи трапа
В небо ушли а за ними и папа

* * *

Каждый раз
Я встречаю это дерево
А оно меня

У нас разные пристрастия и привычки
Например оно любит стоять на одном месте
На одной ноге
А я охотно перемещаюсь посредством своих двоих
Как правило в супермаркет

Готовясь к приходу зимы оно раздевается догола
А я напяливаю всё что удаётся нашарить
в обжитом антимолью пространстве шкафа

Другое дело летом
На мне
Ничего кроме обрывка набедренной бересты
Оно
Точно на бал собралось
поражать танцующих пышностью нижних юбок

Но есть и общее

Например в голове у обоих ветер
И щебет птиц

* * *

Никогда не был
И вряд ли уже побываю
В Аргентине
Разве что заново родившись
Какой-нибудь аргентинской мухой
Всю жизнь мечтающей
Побывать в России

* * *

Время простых стихов.
Долго смотрю в окошко.
Двор по-немецки — Hof.
Katze гуляет (кошка).

Вон до того угла
(Bis zu der Ecke) видно.
Осень туда ушла.
Что ж не приходит Winter?

* * *

Серенькое утро
Выдалось опять.
Это очень мудро —
Даром не сиять.

Это справедливо —
Будучи кустом,
Жухлым сиротливо
Взрагивать листом.

План подмёрзшей лужи
Ломок, но неплох —
Не даваться стуже
Неженкой врасплох.

* * *

Утром достаточно странным —
В рыжий одетым туман,
Утром, так значит, туманным,
Станным для солнечных стран
Юга Европы, — прохожий —
Улицей, парком, двором —
Внешне ужасно похожий
На европейца, нутром
Может слегка и отличный
(Кто его знает — нутро?),
Путь свой свершаю обычный,
Путь свой привычный — к метро.

* * *

Мандаринные дольки,
Серпантин, конфетти.
Ты фонариком с ёлки
За окно посвети.

Эти праздники быстро
Заметает метель.
Жизнь — хлопучечный выстрел
В непроглядную темь.

* * *

Чайковский — непростительный романтик.
По совести сказать, не он один:
Детсадовцу, над локонами бантик
Мне явлен был, чтоб помнил до седин.

* * *

Ведут маршруты — этот, тот —
В страну, что по-немецки глухо —
Хоть и торжественно — *der Tod*
Зовут. Ласкательней для слуха
Касанье бережное *смерть*.
Она мягка — не правда ль? — или
Зря целины небесной твердь
Титов с Гагариным рыхлили?

* * *

Нежно-голубому желеобразному небу
Не избежать бы болезненных ощущений
От соприкосновения с шершавой поверхностью
окаменелого Брамса
Если бы не амортизирующее действие
окружающих композитора деревьев
В кронах которых пересвистываются фрагменты
Его хорошо запоминающихся мелодий

* * *

Незадолго до конечной
Во внезапно опустевшем вагоне метро
Двое незнакомых друг с другом пассажиров —
Мужчина и женщина средних лет —
Всё ещё сидят рядом
А чёрное
С закругленными углами окно напротив
Служит скрепляющим их союз супружеским фото
Несмотря на не идущую к делу надпись про инвалидов
Лиц пожилого возраста
И пассажиров с детьми

* * *

Этот с выбитыми стёклами
Давно отселённый дом
До того никому не нужен
Что даже прибывший его сносить бульдозер
Порылся принюхиваясь с какой стороны начать
И замер
Застыл
Заржавел
Зарос поначалу крапивой
А потом и хвощом
Этим свидетелем жизнедеятельности
Если и не прародителя
То по крайней мере прообраза бульдозера —
Динозавра

* * *

Ломать — не строить. Хоть ломать
Не так уж просто. Для примера:
Легко ль педали нажимать
Бульдозера? Они размера
Навзрыд разношенных галош
Из гардероба дяди Стёпы —
Размер которого хорош
Для нас, но вреден для Европы.

* * *

Вот уже шесть лет
Как не вижу моего лучшего друга
И не знаю что он обо мне думает

Возможно
В одностороннем порядке пересмотрев историю нашей дружбы
Склонен винить меня в негативном с его точки зрения
Развитии тех или иных событий

Опасаясь такого
Может и не совсем уж несправедного суда
Не предпринимаю шагов к возобновлению отношений

Не заглядываю в старую
с его телефонным номером записную книжку
Не встречаюсь с нашими общими знакомыми
Не бываю в нашей любимой кафешке
Не хожу на его могилу

* * *

Ужасно смешная японка.
Смешливая очень. Взгляни:
Дурачась, хихикает звонко,
Что, в общем, японкам — ни-ни.

Японке положено робкой,
В себе закупоренной быть.
А эта — как с выбитой пробкой —
Во всю изливается пруть.

* * *

Интересно, зря или не зря
Кирх кресты сигналият что-то небу?
И в ответ ли это им заря
Или же зевакам на потребу
Разлилась, как если бы вино
Расплескала жертвенная чаша,
Где течёт, не пачкая окно,
Облаков овечьих простокваша?

* * *

По утрам за перелеском
Так и лезут в небеса,
Их натягивая с треском,
Блочных башен корпуса.

Но, троллейбусом прострочен,
Не разлезется по шву
Небосвод, что приурочен
К Первоя торжеству.

* * *

Улицей
Сменившей название а отчасти и облик

Двором
С заново расчерченными газонами
перекрашенными скамейками

Лестницей
Забывшей отзыв на пароль
моих и правда давно не раздававшихся здесь шагов

Ключом
В заведомо не подходящую замочную скважину
новой металлической двери

Памятью
В прихожую лет десять как проданной бог знает кому квартиры

Ну вот я и дома

* * *

Куда б, петля между звёзд,
Ночной троллейбус ни завёз,
Сойду, весом, как аксиома,
На Лёвшинском у гастронома.

Содержание

«Коровы умеют летать...»	3
«Сидеть и думать, подливая...»	4
«Не Бетховен, но космы включены...»	5
«С розовым облаком небо большое...»	6
«Оттого что это дерево...»	7
«Провинциальный запах дыма...»	8
«Небо восьмое. На небе девятом...»	9
«По старицкой старой дороге...»	10
«Не моя ль видна аллея?...»	11
«Какой-то особенный воздух...»	12
«По высокому, очень чистому...»	13
«Анненского доставали...»	14
«Из Ясной Поляны Толстой...»	15
«Спускаясь по лестнице, Блок...»	16
Черепаша	17
«Год за годом...»	18
«Боюсь попасть, когда умру...»	19
«В далёком синем море...»	20
«Я поеду в Венский порт...»	21
«Лепила ангела из хлама...»	22
«Осенний день. Он чем отмечен?...»	23
«Течение уличных толп...»	24
«Удаляясь аллеей парка...»	25
«В глубине, на дне зрачка...»	26
«И легко и очень весело...»	27
«Мне хотелось как можно скорее уйти...»	28
«Я люблю городские шумы...»	29
«Попытки оптимального соединения крыши и неба...»	30
«Зима на берегу...»	31
«Я пойду опустелыми парками Вены осенней...»	32
«За ночь до полнолуния...»	33
«Я заметил в первый раз...»	34
Предместьями Вены	35
«В этом доме...»	36
«— Далеко ли до Хайлигенштадта?...»	37

«Небо над Веной, как правило, серое...»	38
«Разминувшись с Шубертом во времени...»	39
«Подмигиванье светофора...»	40
«Парк осенний — в Вене ли, в Москве ли...»	41
«Как пройти к флоридсдорфскому госпиталю?...»	42
«Напоминают Ленинград...»	43
«У заваленных снегом...»	44
«По дороге в детский сад...»	45
«У Шуберта большие уши...»	46
«То ворона скользнёт с плеча...»	47
«Сегодня по городу...»	48
Предмestье Вены	49
«Утром холодно весенним...»	50
«Ароматом весны потянуло...»	51
«О трёхкомнатной старой квартире...»	52
«Болевые ощущения...»	53
«Церковь переоборудованная под столярную мастерскую...»	55
«Я люблю скорее солнце...»	56
«Жара надоела — на солнце никто не сидит...»	57
«Не могу защитить тебя от процесса старения...»	58
«Вот и деревня...»	59
«Забрали в сумасшедший дом...»	60
«День хорош для рыбной ловли...»	61
«Ласточки, летающие низко...»	62
«Должно быть, бабка умерла...»	63
«Кладбище безымянных...»	64
«гаммаки шезлонги кресла-качалки...»	65
«Всё пожухло, всё поблёлкло...»	66
«На самом деле дела никому...»	67
«Что если бы я родился женщиной?...»	68
«Есть новые рамы и старые рамы...»	69
«Люблю живописующих природу...»	70
«Три аиста...»	71
«Каблуки по мостовой...»	72
«Над бассейном “Москва” так легко по утрам...»	73
«А дерево оставили — оно...»	74
«Возьмём, к примеру, дерево: растёт...»	75
«Раз в год проверяют сирены...»	76
«Подъёмные краны, железные краны...»	77
«Играли Шуберта...»	78

«Безусловного внимания...»	79
«О шатёр шапито...»	80
«Хорошо посидеть на скамейке в опрятном сквере...»	81
«В последних числах октября...»	82
«Кладбища украшены цветами...»	83
«Ночной печальной птицей...»	84
«Избегаю осенних скверов...»	85
«Удивительно хмуро...»	86
«Баржа самоходная...»	87
«Не умею играть на скрипке...»	88
«Дело идет к дню рождения папы...»	89
«Каждый раз...»	90
«Никогда не был...»	91
«Время простых стихов...»	92
«Серенькое утро...»	93
«Утром достаточно странным...»	94
«Мандаринные дольки...»	95
«Чайковский — непростительный романтик...»	96
«Ведут маршруты — этот, тот...»	97
«Нежно-голубому желеобразному небу...»	98
«Незадолго до конечной...»	99
«Этот с выбитыми стёклами...»	100
«Ломать — не строить. Хоть ломать...»	101
«Вот уже шесть лет...»	102
«Ужасно смешная японка...»	103
«Интересно, зря или не зря...»	104
«По утрам за перелеском...»	105
«Улицей сменившей название а отчасти и облик...»	106
«Куда б, петляя между звезд...»	107

Издательство «Воймега» представляет книги:

серия «приближение»:

Ольга Нечаева «Птичье молоко»
Алексей Тиматков «Воздушный шар»
Андрей Чемоданов «Совсем как человек»
Всеволод Константинов «Седьмой путь»
Александр Сорока «Тутырь»
Александр Максимов «Новый год-II»
Александр Переверзин «Документальное кино»
Михаил Свищёв «Последний экземпляр»
Мария Тиматкова «Настоящее имя»
Светлана Бунина «Удел цветка»
Ната Сучкова «Лирический герой»

а также:

Денис Новиков «Виза»
Ирина Ермакова «Улей»
Ян Шенкман «Скоро придёт конец птице, оглохшей от собственного пения»
Григорий Кружков «Новые стихи»
Александр Тимофеевский «Размышления на берегу моря»
Андрей Василевский «Всё равно»
Игорь Меламед «Воздаяние»
Инга Кузнецова «Внутреннее зрение»
Дмитрий Зиновьев «Снимок на память»
Лета Югай «Между водой и льдом»
Андрей Василевский «Ещё стихи»
Елена Саран «Свидание»
Вадим Муратханов «Испытание водой»
Юлиана Новикова «Песок»
Иван Волков «Стихи для бедных»

Книги можно приобрести в магазинах:

Книжная лавка Литинститута, Тверской б-р, д. 25
«Фаланстер», М. Гнездниковский пер., д. 12/27
«Билингва», Кривоколенный пер., д. 10, стр. 5

Юлий Хоменко. Песок

редактор:

А. Переверзин

художник:

С. Труханов

корректор:

О. Тузова

издательство «Воймега»

voymega@yandex.ru; alkonost@inbox.ru

Бумага офсетная.

Печать офсетная.

Формат 60x90 1/16

Тираж 1000 экз.